

МОБИЛИЗАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕЖДУ ИМПЕРАТИВАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ И УГРОЗАМИ ДЕМОДЕРНИЗАЦИИ

Павел Кутуев

Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского

ORCID: 0000-0002-6997-6306

Сергей Чолий

Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского

ORCID: 0000-0003-0693-160X

«Свихнулся век»

Гамлет(1.5.188)

Осенью 2014 кафедра социологии Киевского политехнического института имени Игоря Сикорского провела конференцию, основной темой которой было столетие начала Первой мировой войны. Это академическое мероприятие не свелось к простому упражнению в сфере использования исследовательского воображения, заключенного в ловушке университетской «башни из слоновой кости». В трагической шекспировской манере 2014 год стал чем-то гораздо большим нежели время воспоминаний о давно ушедшей эпохе кровопролития и жестокой вражды. В течение этого года мы стали свидетелями оккупации Крыма

Российской Федерацией и начала незатухающего вооруженного конфликта в украинском Донбассе.

Формальное окончание Первой мировой войны в 1918 году не принесло мира Европе. После 11 ноября 1918 продолжились всплески глобальной турбулентности, насилия и депрессии, не виданные в предыдущей истории человечества. Вместо прочного мира, Компьенское перемирие дало начало новому этапу Второй тридцатилетней войны.

Схожим образом, 2018 стал не столько годом чествования годовщины окончания Первой мировой войны, сколько продолжением того, что вполне возможно станет Третьей тридцатилетней войной. Четырехлетний период (2014 – 2018) завершился, а Крым остается оккупированным, информация же о постоянных военных столкновениях по линии разграничения на Донбассе превратилась из горячих новостей в обыденность, на которую почти никто не обращает внимания.

На фоне таких событий различные аспекты мобилизации в социуме – социетальная, политическая и военная – стали важной проблемой и вызовом для ученых и политиков. Эти мобилизации происходят в глобальном масштабе во всех частях света: наиболее развитых странах (так называемом ядре), полупериферии, и периферии. Именно поэтому, а также в связи с географической локацией и общей направленностью журнала «Идеология и политика», очевидной и естественной является сосредоточенность этого выпуска на процессах мобилизации и их

влияния на модернизацию или демодернизацию¹ в постленинском контексте².

Для первого поколения исследователей модернизации, мобилизация была основой прогресса и прогрессивных изменений общества. Карл Дойч в своей классической статье «Социальная мобилизация и политическое развитие» (Deutsch, 1961) привязал этот процесс к военной истории послереволюционной Франции и немецкой «тотальной мобилизации» 1914-1918 годов. Он также выдвинул идею о том, что военный набор и военная мобилизация были предпосылкой для мобилизации социальной. Согласно его дефиниции, мобилизация – это «процесс во время которого основные кластеры старых социальных, экономических и психологических приверженностей распадаются или разрушаются, а люди начинают использовать новые модели социализации и поведения» (Deutsch, 1961: 494).

Американский социолог Дениэл Широ однажды отметил, что слишком много современных обществ не имеют доступа даже к основным благам модерна, поэтому в целом нет смысла обсуждать переход к какому-то следующему этапу, пребывающему за пределами современного социального порядка (Chiot, 2000). После «исчезновения ленинизма» (Jowitt, 1993), модернизация – наиболее актуальный вопрос для стран Восточной Европы и постсоветского пространства. Для теоретиков модернизации 1950-х годов ответ на этот вопрос был самоочевидным -

¹ Александр Эткинд и Михаил Минаков предложили замечательные реинтерпретацию и «распаковку» понятия демодернизация (Etkind & Minakov, 2018). Их изыскания стали мощным импульсом нашей трактовке этого феномена.

² Подробнее о понятии ленинизм и ленинские режимы см.: (Jowitt, 1993; Кутуев, 2016).

мобилизация была их шиболетом, и одновременно – синонимом прогресса и модернизации общества (Кутуев, 2016). В эпоху многочисленных модернов (Eisenstadt, 2004; Eisenstadt & Schluchter, 1998) и развития, определяемого как свобода (Sen, 1999), вполне логичным будет задаться вопросом: о каком типе модерна мы говорим? На современном этапе понимание модерна как евроцентричной мобилизации является концептуально устаревшим и политически вредным.

Украинский социолог Юрий Савельев недавно предложил оригинальное видение модерна, которое акцентирует инклюзию как важный индикатор этой социальной формации (Савельев, 2017; Савельев, 2018). Инклюзивное прочтение модерна ставит целый ряд вопросов перед исследователями и политиками. Савельев убежден, что модерн, а также политика модернизации и развития, должны концептуализироваться с позиций оценки создания условий для инклюзии и роста человеческих возможностей. Каким образом возможно совместить этот подход с традиционным видением модернизации, видением которое обращалось вокруг идеи развития централизованной системы власти? Само собой разумеющимся было и то, что подобный централизованный тип господства активно прибегает к использованию принуждения с целью трансформации подданных в гомогенных членов национального сообщества. В свою очередь, подразумевалось, что эти «граждане» с легкостью подвергаются мобилизации, в том числе и военной. Видение мобилизации как процесса «сверху вниз» уже довольно давно считается устаревшим на Западе и в основном

ассоциируется с процессами и институтами демодернизации. Более того, американский социолог Питер Эванс предостерегает нас об опасности институциональной монокультурности, которую он определил, как «введение образцов, основанных на идеализированных примерах англо-американских институтов, пригодность которых базируется на предположении о том, что эти институты преодолевают особенности национальных условий и культур» (Evans, 2004: 30). Несмотря на это, ЕС и международные организации (в особенности финансовые) очень часто распространяют именно такие «монокультурные» практики. Такой подход приводит к «реанимации» устаревшего евроцентризма, идея которого и заключалась в модернизации Остального (the Rest) «неразвитого мира» путем серии мобилизаций, которые эманципируются политическим центром/национальным государством.

Довольно трудно отойти от прямолинейных определений модерна с их традиционным акцентом на насильственном измерении этой формации и осуществить переход к концептуальному пониманию модерна с учетом демократических элементов. Необходимо также отметить, что «полная демократия» до сих пор является отдаленным идеалом, которым могут пользоваться лишь 5% населения мира (Economist, 2018). Мы также должны учитывать расшифровку модерна, сформулированную Аленом Туреном. Французский социолог рассматривает модерн как конфликт между Разумом и Субъектностью, иначе говоря, между дисциплиной и свободой (Touraine, 1995). Таким образом, мы не можем уже безапелляционно проповедовать ценности и добродетели мобилизации без объяснения того, какую роль *демос* играет

в этом процессе. В этом контексте необходимо отметить, что наш выпуск «Идеологии и политики» выйдет в свет после окончания действия военного положения, которое вводилось на месячный срок (26 ноября – 26 декабря 2018 года) в 10 из 23 регионов Украины. Введение военного положения не выглядит как простая случайность, ведь это решение было принято незадолго перед стартом президентской кампании. Для многих обозревателей этот шаг со стороны правящего истеблишмента был направлен на мобилизацию президентского электората, а не на усиление украинской военной мощи vis-à-vis Россия.

Статьи, отобранные для этого номера журнала, отражают широкий спектр общественнонаучных дисциплин и проблематик. Тексты специального выпуска исследуют «анатомию» следующих предметных сфер: связи между военной мобилизацией и патриотическими установками молодежи; участие женщин в политической жизни; проблем неравенства; гражданского общества и его потенциала в разрешении конфликтов, а также исторических аспектов националистической мобилизации в среде бывших военнослужащих после поражения украинского освободительного движения в 1921 году.

Сергей Чолий обсуждает развитие гражданско-военных отношений в Восточной Европе. Автор прослеживает эволюцию гражданско-военных отношений в регионе и представляет свою типологию кадрового обеспечения вооруженных сил. Эта типология включает: феодальный подход к набору армии, рекрутскую повинность (XVIII век), всеобщую воинскую обязанность (середина XIX века), и добровольное комплектование (конец XX века). После окончания Холодной войны,

развитие украинских вооруженных сил в целом соответствовало европейским трендам. Политика разоружения и конверсии последовательно воплощалась в Украине в течение 1991 – начале 2014 годов. В 2013 году принудительное комплектование вооруженных сил было отменено; в дальнейшем они должны были комплектоваться исключительно на добровольных началах.

События 2014 года привели к коренному изменению общей идеологии оборонной политики Украины. Эта трансформация была вызвана началом вооруженного конфликта на Востоке Украины и непосредственным участием в нем российской армии. Именно эти факторы и привели к немедленному возвращению принудительного комплектования вооруженных сил. Следствием стало возникновение новой парадигмы гражданско-военных отношений. В связи с тем, что угроза новой большой континентальной войны в Европе становится более реальной, принудительное комплектование вооруженных сил является необходимостью. Автор довольно оптимистично рассматривает украинский вариант развития событий как пример и для других европейских стран.

Статья Максима Енина рассматривает взаимозависимость идеологических форм и патриотических ценностей в среде украинской молодежи. Его наработки теоретически обоснованы и чрезвычайно богаты эмпирическими данными. Они основаны на анализе данных модерированных фокус-групп, проведенных автором в 2017–2018 годах. Базируясь на результатах своих исследований, Максим Енин, как и многие ученые до него, отмечает наличие значительной разницы между

гражданским и этническим национализмом. Он аргументирует в пользу гражданского национализма в контексте постсоциалистических стран. Украинская государственность сталкивается с экзистенциальными вызовами самому факту своего существования. В то же время, Украина как политическое и социетальное сообщество, должна решать вопрос модернизации своей экономики и выбора пути политического развития.

Этот набор задач и вызовов был точно описан транзитологами 1990-х годов как «перестройка корабля в открытом море» (Elster, Offe & Preuss, 1998). Такие «задачи постленинского развития» – а они нередко являются конфликтными, а порой и исключаящими друг друга – требуют от государственных менеджеров решительных действий в нестабильном окружении и при наличии ограниченной информации. Именно поэтому обращение к культивированию патриотических ценностей населения может быть одной из немногих доступных постленинской «властной элите» тактик своего выживания. Украинский опыт после 2014 года продемонстрировал то, что националистическая (в смысле Бенедикта Андерсона) или патриотическая мобилизация является обоюдоострым мечом, который с одной стороны обеспечивает рост волонтерского и добровольческого движения, а с другой – создает предпосылки для роста ультраправых настроений, и даже более того – активного применения насилия в публичной сфере.

Анализ Максима Енина в очень детализированной манере исследует всю комплексность этой проблематики, а также неопределенности постленинских трансформаций. Он справедливо отмечает присущую украинской молодежи автономную агентность.

Молодежь также демонстрирует способность критично воспринимать патриотические ценности, которые официально ей навязываются. Восемнадцатилетняя респондентка парадигматично подытожила настроения молодежи:

«...Следует разделять понятия – страна и государство. Страна – это народ, а государство – это власть. Если спросить: являюсь ли я патриотом своей страны? Да, являюсь, потому что я люблю свою страну. И я, в тоже время, ненавижу государство. Я не могу спокойно смотреть на то, что делает власть с людьми, ресурсами, со страной».

В то время, когда отдельные постсоциалистические страны могут декларировать свою сфокусированность на «постмодернистских/постматериальных» потребностях, пребывая под защитным «зонтиком» ЕС и НАТО³, такие государства как Украина находятся между молотом и наковальней. Они вынуждены бороться за свое существование как политические сообщества и независимые государства. Такая ситуация порождает набор социетальных потребностей и действий совсем другого порядка. На современном этапе Украина имеет очень ограниченные возможности для планирования собственной стратегии политического развития. Все это словно бы переносит Украину из 2018 года – эпохи многочисленных модернов и постматериальных ценностей – в 1968 год, когда Хантингтон издал свой

³ Венелин Ганев предлагает исключительно проницательный и нестандартный анализ ограничений подобной “стратегии” излишнего упования на внешние институты за счет внутренней / локальной инфраструктурной власти, которую брали на вооружение вышеупомянутые новые члены ЕС (Ganev, 2005).

труд «Политический порядок в изменяющихся обществах» (Huntington, 1968). Это мир, где социетальные и в особенности политические акторы действуют согласно рецептам шекспировского герцога Глостера, будущего короля Ричарда III:

«Я могу с улыбкой убивать..,

Я стану речь держать, как мудрый Нестор,

Обманывать хитрее, чем Улисс,

И как Синон, возьму вторую Трои;

Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;

Быстрее Протея облики сменяя,

В коварстве превзойду Макиавелли» (Генрих VI, 3: 3: 2).

Исследование Максима Енина раскрывает реальную картину того, как украинская молодежь — а именно она является основной целевой группой государственных инициатив по мобилизации населения — оценивает абстрактные (патриотизм) и приземленные (службу в вооруженных силах как элемент общей мобилизационной направленности социума).

Украинская молодежь понимает патриотизм в значении выполнения ею общественного долга. Это не предполагает автоматического желания принимать участие в призыве на военную службу. Данные Енина по результатам фокус групп демонстрируют то, что молодежь преимущественно индифферентно относится ко всем идеологическим формам патриотизма, как этнического, так и гражданского. Служба в украинских вооруженных силах является

непривлекательной и непрестижной для молодежи. Молодежь уверена, что обязательная и принудительная служба в вооруженных силах не обеспечит военного необходимыми навыками для реальной войны. Именно поэтому, по мнению опрошенных, военная служба должна стать элементом свободного выбора, а армия комплектоваться на контрактной основе. Этот взгляд только усиливается общим представлением о низком уровне подготовки персонала в вооруженных силах Украины, в противовес образцовым израильской и американской армиям. Выбор карьеры военного – наименее предпочтительный вариант для украинской молодежи, ведь такое решение не способствует улучшению жизненных перспектив. Система социальной защиты тех, кто принимал участие в боевых действиях является неэффективной. Наконец, значительная часть молодежи мыслит в категориях русской пословицы «кому война, а кому мать родная», воспринимая господствующий политический и деловой истеблишмент как циничных манипуляторов, которые используют войну как прикрытие для своего эгоистического индивидуализма и обогащения. Украинская молодежь предстает в качестве критиков и скептиков, пренебрежительно относясь к старомодным авторитарным концепциям «мобилизации сверху» и отдает предпочтение либеральным ценностям. Тем не менее, остается актуальным вопрос, на который мы должны предоставить ответ: Как нация – а нации и сегодня сохраняют свой статус главного дюркгеймовского социального факта современного политического ландшафта – может защититься от внешней агрессии и одновременно с этим осуществить рывок к европейскому модерну?

Вся эта проблематика подводит нас к другому важному концепту поборников либеральной свободы и демократии, а именно – гражданскому обществу. Статья Андрея Багинского «Мобилизация гражданского общества в конфликте на Востоке Украины: идеологические ограничения и ресурсы развития мира» посвящена рассмотрению конфликта на Донбассе в контексте процессов эволюции гражданского общества в Украине. Автор использует концепцию мобилизации Чарльза Тилли, который понимал ее как коллективное действие для концентрации ресурсов, необходимых для достижения определенной групповой цели (Tilly 1990). Багинский связывает данный подход с концепцией гибридности. Гибридность объясняет многообразие общественных и мировых форм как гибридный порядок, который сочетает в себе различные практики управления и общественного регулирования. Различные варианты социального устройства и социальные практики граничат с кажущимся «модерном». Гибридные формы, которые возникают на местах, противоречивы и трудно поддаются идентификации. Подход Багинского является чрезвычайно продуктивным для конфликтных студий, т.к. автор рассматривает проблему гибридности в контексте модерна, и пытается избежать бинарных противопоставлений «традиционный-локальный-гибридный versus современный-глобальный универсальный». Различные локальные формы могут как противоречить, так и стимулировать процесс достижения мира. Автор также берет на вооружение концепцию этоса конфликта, разработанную Даниэлем Бар-Талем и его соавторами (Bar-Tal et al., 2012) и использует ее для осмысления украинской ситуации. События на Майдане в 2013-2014 годах дали значительный импульс этосу конфликта в Украине. Багинский

прослеживает эволюцию этоса конфликта в исторической перспективе с 2000-х годов, когда киевские и донецкие политические элиты боролись между собой в сфере вопросов идентичности, государства и исторической памяти. Национальные и региональные «элиты» после первого Майдана взяли на вооружение конфликтную манеру взаимодействия, акцентируя прославление националистического движения или советского наследия соответственно. Уже существующие противоречия были усилены влиянием России, сначала путем косвенной войны в виде пропаганды, а позже – с помощью военного вмешательства в украинские дела.

Основываясь на данных интервью с ведущими украинскими гражданскими активистами, автор находит проблеск надежды для Украины в деятельности членов гражданского общества. В то же время инициативы направленные на построение гражданского общества возможно будет реализовать только при условии наличия эффективного государства, которое имеет сильную способность к действию (*strong capacity*) и способно заложить основы институциональных предпосылок для мира. Построение мира также нуждается в таких классических ренановских качествах, как воля к совместной жизни и способность как помнить, так и забывать прошлое.

Статья Дениса Кирюхина «Неравенство и ее восприятие» является убедительной интерпретацией важности неравенства в современном мире. Актуальность статьи только возросла в процессе подготовки этого номера журнала к изданию в связи с неутихающей активностью протестного движения «желтых жилетов» во Франции. Основным

мотивом этого движения является недовольство (возможно даже отвращение) существующим неравенством во французском обществе.

Такие популярные и модные в современном научном дискурсе понятия и концепты, как глобализация, либерализация, неолиберализм и другие эффективно применяются автором. Более того, он искусно вписывает ценность равенства в систему координат модерна и его надежд. Используя данные Исследования ценностей мира (World Values Survey), Кирюхин отмечает значительный спад поддержки неравенства доходов в постсоветских странах. 1990-е годы были периодом, когда лозунгом развития стала конкуренция, и, соответственно, неравенство как естественное состояние общества, которое сбрасывало с себя оковы государственного социализма и осуществляло побег к свободе. Опросы, проведенные в 2010-2014 годах, уже после окончания перехода к капитализму, который вдохновлялся рыночным большевизмом 1990-х, продемонстрировали гораздо более негативное отношение к неравенству.

Автор критически пересматривает теорию Владимира Гимпельсона и Даниэля Трейсмана о том, что существует пропасть между актуальным и осознанным неравенством (Gimpelson & Treisman, 2018). Кирюхин обогатил их подход с помощью идей Йерана Терборна и делает акцент на том, что большинство идеологий преимущественно использует три набора бинарных оппозиций: «то, что существует versus того, что не существует», «хорошее versus плохое», «возможное versus невозможное». Следовательно, феномен неравенства должен рассматриваться в контексте его легитимности или нелегитимности. Оценка существующего

неравенства как нелегитимного часто вызывает социальные протесты и нередко превращает их энергию в политическое действие. Рост популярности радикальных правых идеологий, а также антиевросоюзовских настроений, как это продемонстрировал Brexit, еще раз подчеркивает важность неравенства и его последствий для социального единства.

Осуществлённая Дональдом Трампом и контролируемым республиканцами Конгрессом США контрреволюция снижения налогов (официально это событие связано с принятием «The Act to provide for reconciliation pursuant to titles II and V of the concurrent resolution on the budget for fiscal year 2018») еще более интенсифицировала дебаты о проблематике неравенства в медиа и в академическом сообществе. В этом обновленном контексте логичным выглядит обращение автора к Терборновскому толкованию экзистенциального, жизненного и ресурсного неравенств. Первое связано с политикой идентичности, то есть достоинством и признанием, а последние два – с распределением ресурсов и жизненными шансами индивидов. Нобелевский лауреат Амартия Сен отметил в своем классическом труде «Развитие как свобода», что ожидаемая продолжительность жизни афроамериканцев, живущих в Филадельфии, гораздо ближе к уровню стран третьего мира, чем к ожидаемой продолжительности жизни белых представителей среднего класса, которые живут по соседству в том же городе (Sen, 1999). Таким образом, неравенство имеет возможность убивать, как об этом говорит Терборн. В то же время попытки побороть лишь

экзистенциальное неравенство влияет на «надстройку», при этом не затрагивая экономический «базис».

Мао Цзэдун однажды высказал мнение о том, что женщины держат на своих плечах половину неба, имея в виду, что женщины ответственны как минимум за половину деяний человечества. Невозможно рассматривать инклюзивное политическое развитие без анализа, способствуют ли эти процессы достижению гендерного баланса. Эка Дарбаидзе в своей статье «Политика партий и возможные механизмы роста политического представительства женщин в Грузии» предлагает чрезвычайно детализированный и глубокий анализ участия женщин в органах политической власти. Согласно недавнему индексу гендерного разрыва за 2018 год, достижения Грузии в этом аспекте скромные: Грузия занимает место несколько ниже среднего мирового показателя (Report, 2018).

Автор предлагает обзор основных интеллектуальных традиций, которые объясняют представительство женщин в политических институтах и причины низкого уровня этого представительства. Она сама присоединяется к новому направлению исследований, который мы можем назвать «тезис о политической автономии». В целом, этот подход сосредотачивается на важности избирательных правил для определения политических результатов. Особенно отмечается важность гендерных квот в этом процессе. Статья предоставляет читателю значительный объем информации, собранной на основе результатов глубинных интервью с политиками-женщинами и политиками-мужчинами, а также анализа грузинского избирательного законодательства. Автор полагает,

что механизмом обеспечения равенства должны стать гендерные квоты для женского представительства в политике. Такая политика имеет шансы на успех, особенно если учесть факт одобрительного отношения общественного мнения в Грузии к увеличению доли женщин в институтах, ответственных за принятие политических решений.

Игорь Срибняк фокусирует свое исследовательское внимание на теме национальной и националистической мобилизации военнопленных украинцев, которые находились в польском лагере Стшалково в течение 1921–1922 годов. После поражения украинского освободительного движения, часть бывших военнослужащих украинских армий были интернированы в Польшу. Военная борьба за украинскую независимость продолжалась в течение нескольких лет и завершилась поражением, вследствие чего среди интернированных распространялись разочарование и пессимизм. Национальные активисты организовали культурно-спортивную жизнь украинской общности лагеря и эффективно осуществили привлечение большого числа украинцев к своей активности. К средствам работы активистов автором отнесены издание прессы, организация работы художественной студии, театра, хора, спортивных секций. Важным элементом повседневной жизни стала также деятельность общественных организаций – товариществ по сбору и перераспределению средств и гуманитарной помощи, организация праздников и мероприятий. По мнению автора, ситуацию в лагере Стшалково можно считать успешным примером мобилизации национальными активистами пленных солдат в кризисный период. Именно такая мобилизация позволил сохранить военную организацию

армии УНР и облегчил адаптацию бывших комбатантов в межвоенной Польше.

Во всех статьях данного номера один актер является если не полностью отсутствующим, то по крайней мере малозаметным, а именно – государство. Это не может не интриговать, поскольку в фокусе специального выпуска журнала пребывает мобилизация. А ведь мало какая мобилизация возможна без участия государства. Подобное частичное отсутствие требует дополнительного внимания и детального объяснения. На наш взгляд такой неадекватно слабый акцент на роли государства является последствием доминирования одной партии в системе координат ленинских режимов. Ленинская партия закрепила за собой командные высоты как институционально, так и символически. Партия подвергала государство – его военные институты в особенности – многочисленным техникам контроля, начиная от идеологического прессинга и заканчивая репрессиями. Не менее важным фактором является и то, что государствоцентрическая парадигма в общественных науках, не говоря уже об её ответвлении, которое занимается изучением государства, способствующего развитию, так и не укоренилась в постсоветских академических сообществах⁴.

Статьи, отобранные для этого специального выпуска «Идеологии и политики», предлагают «шведский стол» идей для раскрытия различных измерений мобилизации и их влияния на модернизацию/демодернизацию постсоветских «реальных обществ»⁵.

⁴ Детальный анализ государства, способствующего развитию, можно найти в (Кутуев 2016).

⁵ Наше использование термина "реальные общества" - "real societies" – базируется на предложенном Дж. Александером понятии "реальные гражданские общества" (см. : Alexander, 1998).

Поэтому, стоит подытожить основные изыскания этого выпуска с помощью полезного трюизма о противоречивой природе социальных изменений. Изменения, которые несет с собой модернизация, не являются исключением. Мы также должны помнить, что социальные и политические изменения не являются необратимыми. Новые институты и практики, которые появляются в обществах, вдохновляемых стремлением к модерну, являются хрупкими и могут стать жертвой процессов демодернизации. После короткого периода оптимизма, обусловленного интеграцией бывших членов социалистического лагеря в ЕС и НАТО, мы наблюдаем отступление либеральной демократии и рост ксенофобии на фоне коррупции, возвышения вождей на политической арене (Derluquian, Earle & Reno 2016: 62-86) и бездействия правительств. Все эти изменения – а скорее процессы недоразвития и упадка – диктуют необходимость интеллектуального постижения идеи модерна и его смыслов. Является ли модерн лишь случайным следствием столетий жестокой конкуренции милитаризированных государств? В таком случае суть модерна – это овладение техниками господства. Именно национальное государство и стало тем институтом, который смог наиболее эффективно установить монополию на насилие и аккумуляцию власти. Очевидно, мы говорим здесь об идеях Чарльза Тилли о развитии государства, как организованной преступности и ведения войны (Tilly, 1985: 169ff). Если мы поддерживаем этот реалистский, даже в чем-то циничный подход к феномену государства, то мы должны также согласиться, что мобилизация, часто насильственная, является квинтэссенцией модерна. Существует также альтернативное видение «незавершенного проекта

модерна» (Юрген Хабермас) как процесса, *differentia specifica* которого есть эмансипационный потенциал. В таком случае, мы должны согласиться с тем, что свобода, развитие человеческих возможностей и инклюзия являются критериями исторической системы модерна. Очевидно, что дискуссия далека от завершения и никакой отдельный выпуск журнала не способен ее исчерпать.

Пожалуй, никто лучше Софокла в его "Антигоне" не выразил природу нынешнего бурного состояния дел в регионе в контексте императивов мобилизации и их потенциала усиливать и/или тормозить модернизацию, трансформируя обещания модерна в практики демодернизации:

«Мы не должны ни горькой, ни счастливой

Жизнь человека называть — до смерти.

Вот счастья баловень — вот горя сын —

И что ж? Случайность манием единым

Того низвергнет, этого возвысит,

А как — того не скажет и пророк» (Софокл, Антигона: 1155–1160).

Библиография

Alexander, Jeffrey (ed.) (1998) *Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization*. Oxford: University Press.

Bar-Tal, Daniel, Halperin, Eran, Sharvit, Keren, Zafran, Anat (2012) *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*, Vol. 18, No. 1, 40-61.

Chirot, Daniel (2000) Why Must There Be a Last Cycle? The Prognosis for the World Capitalist System and a Prescription for its Diagnosis, Derluquian, Georgi M. & Greer, Scott L. (Ed.) *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System*. Westport: Greenwood Press, 2000, 69–84.

Derluquian, Georgi, Earle, Timothy & Reno, Will (2016) Taming the Chief: From Evolutionary Theory to Political Ideology, Schroeder, Ralph (Ed.) *Global Powers: Michael Mann's Anatomy of the Twentieth Century and Beyond*. Cambridge University Press, 62-86.

Democracy continues its disturbing retreat, *The Economist*, 2018, January 31st

Deutsch, Carl (1961) Social Mobilization and Political Development, *The American Political Science Review*, Vol. 55, No. 3, 493-514.

Eisenstadt, Schmucl (2004) Pluralism and the Multiple Forms of Modernity: An Interview. Interviewed by Gerard Delanty, *European Journal of Social Theory*. Vol. 7, No. 3, 391–404.

Eisenstadt Schmucl & Schluchter, Wolfgang (1998) Introduction: Paths to Early Modernities, *Daedalus*. Vol. 127, No. 3, 1–18.

Elster, Jon, Offe, Claus & Preuss, Ulrich K. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: University Press.

Etkind, Alexander & Minakov, Mikhail (2018) Post-Soviet Transit and Demodernization, *Ideology and Politics*, No. 1, 4-13.

- Evans, Peter (2004) Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation, *Studies in Comparative International Development*. December 2004, Volume 38, No. 4, 30–52.
- Ganev, Venelin (2005) Post-communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective, *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 38, No. 4, 425-445.
- Gimpelson, Vladimir and Treisman, Daniel (2018) Misperceiving inequality, *Economy and Politics*. Vol. 30, Issue 1, 27–54).
- The Global Gender Gap Report 2018*. Cologne/Geveva: The World Economic Forum.
- Huntington, Samuel (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Jowitt, Ken (1993) *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press.
- Sen, Amartya (1999) *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Tilly, Charles (1985) State Making and War Making as Organized Crime. Evans, Peter, Rueschemeyer, Dietrich & Skocpol, Theda. *Bringing the State Back In*. Cambridge-NY: Cambridge University Press, 169–191.
- Tilly, Charles (1990). *Coercion, Capital, and European states AD 990-1990*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Touraine, Alain (1995). *Critique of Modernity*. Oxford: Blackwell.

Кутуєв, Павло (2016) [*Трансформації модерну: інституції, ідеї, ідеології.*](#)

Херсон: Видавничий дім «Гельветика».

Савельєв, Юрій (2017) *Багатовимірна сучасність: соціальне включення в оцінці суспільного розвитку.* Київ: ВПЦ "Київський університет".

Савельєв, Юрій (2018) Антиномії суспільства пізнього Модерну: Східна Європа у небезпеці демодернізації, *Ідеологія і політика*, No. 1, 18-63.